Лоран Гунель
ДЕНЬ, КОГДА Я НАУЧИЛСЯ ЖИТЬ

Лоран Гунель

День, когда я научился жить

«Азбука-Аттикус»

2014

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

Гунель Л.

День, когда я научился жить / Л. Гунель — «Азбука-Аттикус», 2014

ISBN 978-5-389-16743-8

Лоран Гунель входит в пятерку самых популярных беллетристов Франции. Его новая книга называется «День, когда я научился жить». Представьте, что в один прекрасный день цыганка, посмотрев на вашу ладонь, испуганно замолкает. И лишь после настойчивых просьб вы добиваетесь от нее ответа. Звучит он довольно страшно: «Ты скоро умрешь». Для Джонатана, героя романа Гунеля, мир совершенно меняется. И хотя никаких болезней врачи у него не находят, он решает провести несколько недель среди гор и холмов на берегу океана. Впервые он никуда не спешит. В поисках ответа на вечные вопросы о смысле жизни Джонатан заново знакомится с самим собой. Встречи, странствия, приключения и самопознание в корне меняют и его видение жизни, и саму жизнь… Эта книга проливает новый свет на наше существование и отношения с другими людьми, кажется, будто кто-то отворил окно и в затхлую атмосферу ворвался свежий ветер. Впервые на русском!

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-389-16743-8

© Гунель Л., 2014
© Азбука-Аттикус, 2014

Содержание

1 6
2 11
3 14
4 18
5 23
6 25
7 27
8 30
9 31
Конец ознакомительного фрагмента. 34

Лоран Гунель
День, когда я научился жить

© О. И. Егорова, перевод, 2019
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2019
Издательство Иностранка®

* * *

Шарлотте и Леони

Тот, кто владеет собой, владеет пером.
Будда

Человек способен познавать себя лишь в исключительных ситуациях.
Карл Ясперс

1

Ликвидировать зло надо в корне.

Из окошка ванной комнаты на втором этаже крошечного розового домика, который он вот уже три месяца снимал на одной из тихих улиц Сан-Франциско, Джонатан, машинально водя по лицу бритвой, глядел на газон. На несчастной лужайке, совсем пожелтевшей под безжалостными лучами июльского солнца, нахально и настырно пробивался сквозь землю клевер, и лужайка уже готова была капитулировать. Никакой клопиралид[1] не помогал. В начале месяца он разбрызгал по газону целый бидон – и все без толку. Выдрать все ростки один за другим – вот что надо сделать, сказал себе Джонатан, а электробритва тем временем с мерным стрекотом плавно скользила по подбородку. Он очень ревностно следил за тем, чтобы газон у южной стены домика был в порядке: на нем любила играть его дочка Хлоя, когда он дважды в месяц забирал ее на выходные.

Кончив бриться, Джонатан просмотрел сообщения на смартфоне. Запросы и заявки от клиентов, одна рекламация, уведомление о переносе назначенного обеда, месячный бухгалтерский отчет, рекламное предложение от телефонного оператора и несколько электронных бюллетеней.

Он подошел к зеркалу, взял кисточку и флакон с темной жидкостью и принялся осторожно наносить лосьон на первые седые волосинки: в тридцать шесть лет мириться с этими приметами времени было еще слишком рано.

Джонатан торопился привести себя в порядок, чтобы не опоздать на ежедневную встречу в кафе на площади. С тех пор как трое приятелей открыли небольшую страховую компанию, они вот уже пять лет каждое утро собирались на террасе кафе. Среди учредителей была его бывшая жена Анжела, и их недавний разрыв никак не повлиял на этот незыблемый ритуал.

Их компания единственная в городе специализировалась на клиентуре из мелких коммерсантов. Поначалу было трудно, но постепенно они сориентировались, прочно встали на ноги, и это позволило им регулярно выплачивать сотрудникам компании и ассистентке пусть и небольшую, но регулярную месячную зарплату. Компании удалось занять свою нишу, и теперь перспективы дальнейшего роста просматривались очень обнадеживающе. Конечно, за это пришлось побороться, и временами на Джонатана накатывало уныние, но он продолжал верить, что все возможно: ведь границы человек ставит себе сам.

Он вышел на крыльцо и подошел к воротам. Воздух еще был пропитан утренним туманом. Садик с северной стороны дома, выходивший на улицу, тоже не отличался ухоженностью: он весь зарос мхом.

В почтовом ящике Джонатана дожидалась корреспонденция. Он распечатал письмо из банка. Ремонт автомобиля влетел ему в копеечку. Это становилось опасным – надо было расплатиться как можно скорее. Второе письмо было от телефонного оператора. Наверняка еще один счет…

– Здравствуйте!

Сосед тоже вынимал почту из ящика и приветствовал его с безмятежным видом человека, которому жизнь неизменно улыбается. Джонатан ответил ему в том же духе.

Кот мяукнул и потерся о его ноги. Джонатан наклонился и погладил его. Кот принадлежал пожилой даме, обитавшей по соседству в небольшом доме на несколько квартир, и, к огромной радости Хлои, постоянно ошивался в саду у Джонатана.

---

[1] *Клопиралид* – гербицид, применяемый против сорняков. (*Здесь и далее примеч. перев.*)

Кот прошествовал перед ним по улице, потом снова мяукнул перед дверью в дом пожилой дамы и посмотрел на Джонатана. Тот толкнул дверь, и кот ринулся туда, не сводя с него глаз.

– Ты что, хочешь, чтобы я пошел с тобой? Знаешь, я тороплюсь, – сказал Джонатан, вызвав лифт. – Давай заходи быстрее.

Но кот остался возле лестницы и тихонько мяукнул.

– Я понимаю, тебе больше нравится пешком, но у меня нет времени. Заходи…

Но кот прищурился и заупрямился. Джонатан вздохнул:

– Ну это ты уже капризничаешь…

Он взял кота на руки и прошагал с ним на четвертый этаж. Нажав кнопку звонка, он, не дожидаясь, когда откроют, стал спускаться.

– А, явился, забияка! – послышался голос хозяйки.

Джонатан прошел по маленькой улочке между еще сонными домами и свернул направо, на проспект, ведущий к площади, где у него была встреча.

На ум ему пришла манифестация против уничтожения лесов на Амазонке, в которой он участвовал накануне. Собралось несколько сотен людей, и им удалось привлечь к себе внимание местной прессы. Вот это дело.

Проходя мимо витрины спортивного магазина, он покосился на пару кроссовок, которые с некоторых пор словно насмехались над ним. Кроссовки были классные, но цена… Потом ноздри приятно защекотал запах свежей выпечки, растекавшийся из вентиляционных отверстий австрийской кондитерской, явно не без умысла размещенных прямо на фасаде. Он чуть не поддался искушению, но потом ускорил шаг. Слишком много холестерина. Мы каждый день боремся с одолевающими нас желаниями, но побороть желание вкусненького, пожалуй, труднее всего.

На земле то там, то здесь спали, завернувшись в одеяла, бездомные. Уже открылась мексиканская бакалейная лавка, газетный киоск, а чуть дальше – парикмахерская, которую держал пуэрториканец. По дороге Джонатану попались несколько знакомых, спешащих на работу. Пройдет еще час – и это место оживится.

Мишен-Дистрикт[2] – самый старый район в Сан-Франциско. Здесь столько всего намешано: чуть поблекшие викторианские виллы соседствуют с безликими постройками и обветшалыми, замызганными меблирашками, наполовину пришедшими в негодность. Старинные дома, окрашенные в спокойные тона, стоят рядом со зданиями, сплошь покрытыми кричаще-яркими граффити. Население раздроблено на множество сообществ и диаспор, которые только пересекаются друг с другом, но по-настоящему не общаются. Здесь можно услышать испанскую, греческую, арабскую и даже русскую речь. У каждого свой мир, и никому нет дела до других.

К Джонатану, протянув руку, подошел нищий. Тот слегка помедлил, а потом прошел мимо, отведя от нищего глаза: нельзя же подавать всем подряд.

На террасе кафе уже сидел элегантный человек лет сорока, с обаятельной улыбкой. Это был Майкл, партнер Джонатана по страховой компании. Майкл обычно без умолку болтал, и от него исходила такая энергия, что было непонятно, то ли он подсоединился к батарее высокого напряжения, то ли вмазался амфетамином. На нем был песочного цвета костюм, белая рубашка и шелковый оранжевый галстук. Стоявшие перед ним большая чашка кофе и кусок морковного торта словно нарочно вторили цветовой гамме костюма. Просторная терраса была достаточно удалена от тротуара, а от шума автомобилей посетителей избавляли кусты, аккуратно высаженные в рядок в деревянных кадках, достойных оранжереи какого-нибудь замка.

[2] *Mission District* – колоритный мексиканский квартал Сан-Франциско, известный смешением этнических культур и обилием ярких и масштабных граффити.

Ротанговые столики и стулья только усиливали впечатление, что ты находишься не в городе, а где-то далеко, в других краях.

– Ну как делишки? – с неестественным возбуждением спросил Майкл.

Он сейчас очень смахивал на Джима Керри в «Маске».

– А у тебя? – привычно отозвался Джонатан.

Он достал из кармана флакон с антибактериальным лосьоном, капнул несколько капель на ладонь и энергично растер руки. Майкл глядел на него с иронической усмешкой.

– Давай, что будешь заказывать? Торт – просто прелесть!

– Ты нынче завтракаешь тортиками?

– У меня теперь такой режим: сладкое с утра, для затравки, зато потом весь день – ни крошки.

– Ну, тортик так тортик.

Майкл жестом подозвал официанта и сделал заказ.

Из троих компаньонов Майкл лучше всех владел хитростями ремесла, и Джонатан зачастую им просто восхищался. Майклу на зависть легко удавалось привести клиента в состояние, когда тот делался податлив и сговорчив. Джонатану доводилось вместе с ним торговаться с коммерсантами за выгодную страховку, и у него на глазах разворачивались невероятные сцены, когда Майкл умудрялся переубедить самых упрямых. После долгого изучения торгового дела и тренировок в искусстве продаж Джонатан научился выпутываться из затруднительных положений. Но от него требовалось немалое усилие там, где Майкл играючи, мастерски пускал в ход все свои уловки и убеждал клиентов подписать новый контракт, новый опцион[3], при этом так хитро увеличивая степень страховой защиты, что они, сами того не замечая, часто по нескольку раз оплачивали одни и те же риски… В этом деле, повторял он своим партнерам, главное – чувство и главный советчик – страх. Именно страх появляется в глазах клиентов, едва перед ними замаячит образ разорения, кражи или судебной тяжбы. Поначалу страх невелик, но коварен и быстро проникает во все закоулки сознания, пока не становится решающим в вопросах выбора. И что такое запрошенная цена годовой страховки в сравнении с возможным стихийным бедствием или судебным процессом, который может затеять разозленный потребитель? Чем мрачнее перспектива, тем менее дорогой кажется страховка…

Джонатан был человеком честным, и все эти уловки вызывали в нем чувство вины. Однако конкуренты поступали точно так же, и, откажись он от такой тактики, ему не поздоровится. В этом бессердечном мире законы таковы, каковы они есть, говорил он себе. Уж лучше играть по правилам и выходить сухим из воды, чем оказаться выброшенным из общества…

– Знаешь, – сказал Майкл, – я в последнее время долго размышлял о твоей ситуации.

– О моей ситуации?

Майкл легонько кивнул. Глаза его засветились сочувствием.

– Чем больше я за вами наблюдаю, тем больше прихожу к выводу, что для тебя настоящий ад – работать бок о бок со своей бывшей.

Застигнутый врасплох, Джонатан молча глядел на компаньона.

– Вы постоянно делаете друг другу больно. Это неразумно.

Джонатан был явно сбит с толку.

– Так не может дальше продолжаться.

Джонатан опустил глаза. Теперь Майкл смотрел на него почти с нежностью.

– Уж лучше опередить события…

Он откусил кусок морковного торта.

– Я много думал, вертел проблему и так и сяк, и вот что: у меня к тебе предложение.

– Предложение?

---

[3] *Опцион* – в коммерции: преимущественное право на покупку или продажу.

– Да.

Джонатан молчал.

– Так вот: можешь не давать ответа сразу, у тебя будет время подумать.

Джонатан внимательно на него взглянул.

– Я готов, – сказал Майкл, – поднапрячься и выплатить тебе твою долю, если ты надумаешь уйти.

– Мою долю… в компании?

– Ну да… не кусок же торта.

Джонатан онемел. Он словно получил удар под дых. У него даже в мыслях не было уйти из дела, которое они создали вместе. Он столько сил и души вложил в эту компанию, что она стала для него… частью его самого. Покинуть дело означало лишиться важнейшей части своей жизни. Начать с нуля. Все отстраивать заново…

На экране телевизора, подвешенного к стене в глубине кафе, возникло изображение Остина Фишера, чемпиона по теннису, который набрал кучу спортивных трофеев. После победы на Уимблдоне несколько недель назад он появился на «Флашинг Медоус»[4] в качестве фаворита «US Open».

Джонатан задумчиво следил за сменой кадров на экране. Продать свою долю Майклу для него означало еще и отказаться от тайной мечты переиграть компаньона и добиться лучших продаж.

– Скорее всего, мне придется залезть в долги, – сказал Майкл. – Это тяжело, но так будет лучше для всех нас.

– Всем привет!

За их столик с шумным вздохом уселась Анжела, все своим видом показывая, как она раздражена. При этом на губах ее играла легкая улыбка. Джонатан все ее ужимки знал наперечет.

– Как делишки? – хрюкнул Майкл.

– Твоя дочь сегодня отказалась чистить зубы, – сказала Анжела, мотнув головой в сторону Джонатана. – Я, ясное дело, не сдалась и выдержала десятиминутный бой… В результате дверь школы уже оказалась заперта. Ей пришлось звонить привратнику, и он ее отругал. Так ей и надо.

– Американо, как обычно? – спросил Майкл с усмешкой.

– Нет, эспрессо. Двойной, – отозвалась Анжела, снова вздохнув.

Майкл сделал заказ. Анжела бросила на Джонатана взгляд, приправленный ядовитой улыбкой.

– Что-то у тебя больно благостный вид. Этакий безмятежный…

Он не пошевелился. Она провела рукой по светло-каштановым волосам.

– Ты упрекал меня, что я больше времени уделяю домашним цветам, чем дочери, но…

– Никогда я тебя не упрекал, – запротестовал Джонатан, но в его тоне уже чувствовалось, что он сдался.

– Но мои цветы, видишь ли, не катаются по полу и не орут как резаные.

Джонатан подавил улыбку и, не говоря ни слова, допил свой кофе. Они разошлись три месяца назад, но она, как и раньше, продолжала к нему придираться. И он вдруг почувствовал, что, как ни странно, ему это нравится. Это создавало впечатление, что их отношения продолжаются, несмотря ни на что. И он вдруг понял одну вещь, в которой ни за что бы себе не признался: в глубине души он наделся их возродить.

---

[4] *«Флашинг Медоус»* – стадион во Флашинг Медоус – Корона-парк в Бруклине, в Нью-Йорке, где расположено много спортивных центров, в том числе и Национальный теннисный центр со стадионом, где проводится открытый чемпионат США по теннису.

Продать долю Майклу означало бы лишиться этой надежды и разорвать ту ниточку, что связывала его с Анжелой каждый день.

Оставив компаньонов на террасе, он отправился на первую встречу, намеченную на сегодня. Список визитов был длинный. Возможно, придется крутиться допоздна, но завтра выходной, и отдохнуть он успеет.

Он и не догадывался, что всего через пару дней его жизнь резко переменится, как не менялась еще никогда.

2

Лицо в профиль, чуть перекошенное раздраженной гримасой. Вот он встает, коротко прощается и уходит.

Мощный зум «Никона» с той стороны площади следил за каждым движением Джонатана, пока тот не сошел с террасы. Потом силуэт потерял четкие очертания. Райан остановил съемку, выпрямился и долго смотрел вслед удаляющейся фигуре сквозь прозрачный черный тюль оконных занавесок своей квартиры на третьем этаже.

– Даже не попытался дать отпор, встал и ушел, не сказав ни слова… Это довольно-таки странно, но вполне в его духе. Скажем так… еле-еле десять баллов из двадцати, – пробормотал он себе в бороду.

Он вытер о джинсы вспотевшие руки, а пот со лба промокнул подолом черной тенниски. Черное не маркое, в черном есть свои преимущества.

Пробежавшись взглядом по террасе, Райан заметил двух весьма элегантных дам. Одна из них была ему знакома, он уже два-три раза снимал ее на видео, но без всякого успеха. Он навел на обеих камеру с вмонтированным микрофоном со сверхточной фокусировкой, и голоса женщин зазвучали удивительно четко. Райан не пожалел, что приобрел микрофон: на расстоянии более восьмидесяти метров голоса женщин звучали так, словно он сидел с ними за одним столиком.

– Да, это правда, – говорила одна из них. – Уверяю тебя. Однако я заранее их заблокировала, месяцев за шесть. И все, конечно же, бронировала: самолет, отель… В общем, все.

– Это действительно нелегко, – отвечала другая, качая головой. – А ты застраховала имущество?

– Конечно! Три года назад меня уже облапошили, и теперь я остерегаюсь.

– На твоем месте я сменила бы место работы. С твоим резюме ты везде сможешь устроиться, а вот мне трудновато…

Еще какое-то время Райан снимал просто так, без всякой цели. Неделю назад он обнаружил, что окна его квартиры с другой стороны здания выходят на сад какой-то молодой девушки и до этого сада метров девяносто пять. Далековато, конечно, но с двойной фокусировкой вполне достижимо. Было бы что снимать. Квартира Райана была расположена на редкость удачно. Одной стороной дом выходил на площадь, как раз на угол двух улиц: той, что прилегала к террасе кафе, и той, что вела вдоль палисадников частных домов и съемных квартир. В этих садиках зачастую разворачивались очень яркие и смачные семейные сцены. И некоторые из них достигали планки двенадцать из двадцати, то есть уровня, который Райан пометил как годный для размещения в блоге.

Отхлебнув глоток кока-колы, Райан снова окинул взглядом террасу. Там тем временем появилась какая-то незнакомая пожилая пара, и он навел на них камеру.

– Когда я разговариваю с тобой, – говорила женщина, – у меня такое впечатление, что я обращаюсь к восковой фигуре.

Райан зумом приблизил ее супруга. На его неподвижном лице застыло бесконечное огорчение.

– К тому же, – продолжала женщина, – воск плавится на солнце. А на тебя ничего не действует: как был ледышкой, так и остаешься. Скорее мраморной статуей. Да-да, мраморной статуей, каким-то надгробием. Ты не способен общаться…

При этих словах Райана охватил гнев, и он выключил камеру.

Не способен общаться. Некоммуникабелен. Этот упрек он услышал, едва шагнув в самостоятельную жизнь с дипломом инженера в кармане. И теперь, семь лет спустя, этот упрек опять прозвучал в его мозгу.

Он снова увидел перед собой кадровика, который с самым невинным видом вкрадчиво втолковывал ему какую-то мутную, дурацкую теорию. Послушать его, так *на свете есть много разных форм интеллекта*, хотя уж кому-кому, а ему бы надо об этом помалкивать. *И интеллект рациональный далеко не единственный. Интеллект эмоциональный столь же важен.*

Эмоциональный интеллект… Чего только не выдумают, чтобы успокоить идиотов… Отчего тогда не мышечный интеллект? Не пищеварительный? Не интеллект дефекации?

А дело было в том, что его выставили, потому что он не опускался, как все остальные, до уровня тупой скотины, чтобы с ними разговаривать. А от него именно этого и ждали. В царстве кретинов те, кто говорит на наречии идиотов, короли. Этот язык надо бы учить в Беркли или Стэнфорде вместо языка си или визуал-бейсика. Впрочем, в политике та же картина: выбирают тех, кто говорит людям чушь, которую те хотят услышать. И чем глупее, тем успешнее.

Чтобы успокоиться и сбросить напряжение, Райан глубоко вздохнул. Ну уж нет, на эту удочку он больше не попадется. Иначе эти идиоты его совсем доконают.

Всякий раз, когда он вспоминал начало собственной карьеры, картинка возникала одна и та же. Перед ним проходили сцены найма на работу, за которыми сразу следовал отказ. Он мучительно пытался понять причину отказа. Ему задавали унизительные, зачастую скандальные вопросы очень личного свойства. *«Какое отношение к делу найма на работу имеют мои хобби?* – хотелось ему крикнуть. – *Какое ваше собачье дело, живу я один или с кем-то?»* И уж он им отвечал как надо, сразу их отшивал, а прежде всего не позволял вовлечь себя в эти идиотские придуманные обстоятельства, в ролевые игры… Ну и кончалось все такими же идиотскими, смехотворными резюме: *«Обратить внимание на способность общаться… Будут проблемы с работой в группе… Некоммуникабелен».*

Райан стер последнюю запись.

Теперь он довольствовался должностью программиста низшего звена с мизерной зарплатой. Работу на полную ставку он умудрялся с грехом пополам закончить за полдня, и огромным плюсом было то, что он работал дистанционно.

Поразмыслив над всем этим, он отпил еще три глотка кока-колы и обернулся к экрану компьютера. За последний пост ему пришло сто шестьдесят шесть лайков и двенадцать комментариев. Это было видео про мужика, который все никак не мог выбрать, четырежды менял заказ, а потом с унылым видом жевал гамбургер и поверял приятелю, что на самом деле ему хотелось хот-дога. Ну дурак дураком, дубина деревенская. Просто обхохочешься!

Его блог «Миннеапольская хроника» был битком набит подобными сценами. Размещение рекламы подбрасывало ему от случая к случаю пару-тройку долларов. Он все думал, не дать ли блогу другое название, вроде «Из жизни дураков», но предпочел недвусмысленно сослаться на город, в достаточной мере далекий от Сан-Франциско. Снимал он в основном крупные планы, так что понять, откуда велась съемка, было практически невозможно. Такая маскировка позволяла жить спокойно. Калифорнийский закон категорически требовал получать разрешение у всех, кого собираешься снимать в общественном месте. А в Миннеаполисе, в глубинке, можно было снимать что хочешь.

И Райан спокойно хохотал вместе с маленькой группой верных посетителей блога. Ведь общество создано дураками для дураков, говорил он себе, так уж лучше смеяться, чем жаловаться или растравлять душевные раны.

Снимая жителей квартала, он постепенно узнал их имена и по крупицам составил историю каждого из них. Большинство не представляли никакого интереса – их серость и посредственность приводила в уныние. Но глупость порой делает посредственность очень даже пикантной.

Райан отпил еще глоток, и внимание его привлекли две девушки. На столике перед ними дымились две большие чашки чая. Одна из девушек вскоре собиралась замуж и поверяла подружке свои планы на жизнь. Слушая наивное щебетание будущей молодой супруги, Райан не мог удержаться от улыбки. В ней что-то было.

Он отрегулировал настройку камеры. Объектив F8 позволял углублять кадр и показывать накладные ресницы или черные точки на носу, замазанные тональным кремом.

– Мы с Бобом все делаем вместе, – говорила девушка.

– Повезло тебе, – отвечала вторая. – А мой Кевин вечно найдет отговорку, чтобы не убирать со стола. А уж накрыть на стол – тем более. Мне это жутко надоело.

– Да, понимаю. А мы с Бобом разделили обязанности. И все расходы, вплоть до последнего су. У нас все ясно и понятно.

– О, это здорово. А у нас никакого порядка…

– Ну вот смотри, к примеру… Плата за квартиру, да? Так вот, Боб мне сказал: «Лучше всего будет поделить расходы: запишем квартиру на мое имя, и я буду вносить плату каждый месяц. А ты будешь оплачивать налоги, счета, еду и отпуск». Он все рассчитал, и получилось поровну, и не надо голову ломать.

– Ну а… а если вы возьмете и разведетесь… Ему останется квартира, а тебе – ничего?

– Так уж прямо сразу… Это мужчина моей жизни, мы только собираемся пожениться, а ты сразу про развод.

– Но…

– Ты не веришь в любовь, ты…

Райан закусил губы. Поснимав еще несколько секунд, он выключил камеру и расхохотался:

– О как! Ну, дорогуша, ты явно заслужила билет в Миннеаполис!

3

Туман над заливом Сан-Франциско начал рассеиваться, и вдалеке в синем ореоле вдруг показался остров Алькатрас. Теплый ветер был пропитан запахом моря, и с пришвартованных парусников доносилось постукивание фалов на мачтах. Джонатан дышал полной грудью. Он любил эти минуты раннего утра, когда утренний туман исчезал, как по волшебству, уступая место сияющему солнцу, невероятному еще несколько секунд назад.

Он довольно редко выходил по воскресеньям на набережную: на его вкус, там было слишком много туристов. Но сегодня его туда потянуло, словно против воли. Он и вправду ненавидел воскресенья, когда жесткий закон «раз в две недели» оставлял его в полном одиночестве, без дочери. Однако теперь он обзавелся привычкой изредка выходить на *Санди-стритс, Воскресные улицы*, которые по выходным становились пешеходными и где царили гуляющие или велосипедисты.

Утро началось с утомительного занятия: пришлось вручную выполоть все сорняки на лужайке за домом и попрыскать сульфатом железа лужайку со стороны улицы, чтобы извести мох.

Вокруг него по дамбе весело сновала гуляющая публика. Заливаясь веселым смехом, носились дети, на бегу слизывая крупные капли подтаявшего мороженого, бегущие вниз по вафельным рожкам. В йодистый запах морского бриза то здесь, то там вклинивались аппетитные нотки горячих оладий и пирожков, долетавшие из соседних лавочек. Людские голоса сливались в веселый гул.

Ясное дело, толпа вынесла его к Пирсу-39, откуда было видно развалившихся на рукотворных плавучих островках-понтонах морских котиков. Он уже тысячу раз их видел, но все равно, проходя мимо, не мог отказать себе в удовольствии взглянуть еще раз. Их блестящие туши были словно приклеены друг к другу, как и вспотевшие тела туристов, толпившихся у балюстрады, чтобы их получше разглядеть. Котики при этом сохраняли полное равнодушие к лихорадочному любопытству толпы.

И всякий раз Джонатан спрашивал себя, кто будет отвечать, если ограда не выдержит натиска и любопытные окажутся в студеной воде Тихого океана? Те, кто изготовил балюстраду? Те, кто ее поставил? Или руководство Пирса-39, которое сделало из причала торгово-развлекательный комплекс, куда стекались тысячные толпы? С тех пор как он стал продавать страховые полисы местным коммерсантам, такие вопросы постоянно засоряли его мозг. Это уже походило на профессиональную деформацию психики.

Он шел вдоль набережной, и его то и дело с шорохом обгоняли ребята на роликах. Посверкивая медью инструментов, маленький джаз играл привычные мелодии Сиднея Беше. Чуть поодаль, нервно хлопая себя по карманам, стоял какой-то человек лет шестидесяти.

– Его нет на месте! – приговаривал он. – Его нет!

– Кого нет? – спросила женщина в больших очках, стоявшая рядом. – Ты о чем?

– Бумажника нет! Исчез!

– Ты, должно быть, оставил его в отеле. Ты в такой момент забываешь обо всем…

– Да нет… Он был при мне… Я уверен… Я… А! Вот он! В заднем кармане, – сказал он, хлопнув себя по левому бедру.

– Ты теряешь голову, дружок…

Джонатан с нежностью смотрел на пожилую пару. Маловероятно, что когда-нибудь и у него с кем-то будут такие отношения.

Они с Анжелой прожили вместе семь лет. И когда она от него ушла, по недоразумению обвинив его в измене, он испытал настоящее потрясение: депрессию, одиночество, острую тоску по ней.

От этих мыслей его отвлек велосипедный звонок. Автомобили с улиц прогнали, и теперь шоссе перешло во владение пешеходов и веселых велосипедистов. Трехцветные фонари светофоров капитулировали, мигая где-то бесконечно далеко. Толпа тем временем все густела, запруживая улицы и разнося хорошее настроение во все уголки города.

Время от времени Джонатан поглядывал на мобильник, чтобы не пропустить письмо или эсэмэску. Коммерсанты и по воскресеньям занимались своими делами и вполне могли прислать запрос. Хотя эти контакты порядком ему докучали, они все-таки смягчали горестное чувство одиночества. Если голова чем-то занята – это лучший способ отключиться от своих проблем, говорил себе Джонатан. За неимением счастья есть дело.

Он шел себе и шел, но вдруг его внимание привлекло особенно оживленное скопление людей. Оказалось, что толпу зрителей собрала вокруг себя танцовщица, плясавшая под ритмичную музыку, усиленную звуковыми колонками, а вместе с ней танцевала еще добрая сотня зевак.

– Талантливая девочка, правда? – шепнула ему пожилая дама в широкополой розовой шляпе. – Это Бабетта, француженка. Она приходит сюда по выходным, когда на улицах нет автомобилей, и с каждым разом собирает вокруг себя все больше народу. Какая энергия…

У Джонатана по материнской линии тоже были французские корни. Он родился в Бургундии и часть детства провел в Клюни. Его отец, чистокровный калифорниец, работая в одном очень известном бургундском замке, постигал основы виноделия. Там он и познакомился с той, что стала его женой. А через несколько лет семейство обосновалось в графстве Монтерей к югу от Сан-Франциско, где взялось за восстановление погибающих виноградников. Десять лет трудов позволили им поправить дела и создать вино, которое обрело известную популярность. А потом в один из мартовских дней пришел торнадо и полностью уничтожил все виноградники. Плохо застрахованное дело было обречено на банкротство. После этого отец так и не смог оправиться.

Веселые танцоры двигались на редкость слаженно. Можно было подумать, что они чем-то связаны друг с другом. И Джонатан вдруг почувствовал, как в нем растет желание присоединиться к ним и тоже отдаться на волю властного ритма музыки. Он постоял в нерешительности, охваченный непонятной робостью, и закрыл глаза, ощущая, как ритм ударных заставляет вибрировать все тело. Он уже совсем решился, и шаг его стал раскованным, как вдруг его схватили за руку. Отпрянув назад, он открыл глаза. Перед ним стояла молодая женщина, и ее тонкие смуглые пальцы мягко держали его руку. Цыганка. Такая тоненькая, что тело ее почти терялось в складках темного платья.

– Дай погадаю, прочту твое будущее.

Она глядела на него красивыми черными глазами. Взгляд был пристальный, глубокий и доброжелательный, хотя она и не улыбалась. А вокруг, потоком обтекая их, бурлила шумная толпа.

Теперь взгляд цыганки переместился на руку Джонатана. Ее теплые пальцы медленно протискивались между его пальцами, и их мягкий нажим был похож на ласку. Его смутила откровенная чувственность прикосновения. Она чуть склонилась над его ладонью. Он замер и не сопротивлялся, почти наслаждаясь вынужденной близостью. К тому же ему было интересно, что же она предскажет.

У цыганки было бесстрастное лицо с правильными чертами, длинные загнутые ресницы и красиво заплетенные в косу густые черные волосы.

Вдруг брови ее сильно нахмурились, и на лбу образовались морщинки. Она медленно подняла голову, и лицо ее исказилось. Джонатан поймал ее изменившийся взгляд, и у него

кровь застыла в жилах. Она и сама, казалось, была в замешательстве, более того, изрядно напугана и встревожена.

– В чем дело?

Она молча тряхнула головой и выпустила его руку.

– Что ты такого увидела?

Цыганка отступила назад и опустила глаза. Лицо ее словно окаменело. Джонатану стало не по себе.

– Что? Да что случилось? Говори!

Она неподвижно смотрела перед собой, губы ее еле заметно дрожали.

– Ты скоро…

– Ну?!

– Ты скоро…

Она вдруг резко развернулась на каблуках и бросилась бежать.

– Лиза, подожди! – раздался из толпы чей-то громкий голос.

Это крикнула другая цыганка, в сравнении с тоненькой девушкой она смотрелась гораздо внушительнее. Но та, кого она назвала Лизой, уже убегала, с кошачьей гибкостью пробираясь сквозь толпу.

Джонатан бросился за ней, но в этот миг дорогу ему пересек велосипедист, потом еще один. Целое семейство на колесах промчалось перед ним, не оставив ни малейшей лазейки. Он очень рассердился и, уже на грани паники, высматривал цыганку в толпе, боясь потерять из виду. А ее во что бы то ни стало надо было догнать и все узнать.

Как только путь освободился, он снова бросился вдогонку. Но цыганка была уже далеко, и теперь он еле ее различал в мешанине тел и лиц. Он чувствовал, что проиграл… Но верить отказывался. Догнать, догнать любой ценой! Он поднажал, работая локтями и расчищая себе дорогу с одержимостью сумасшедшего. На него со всех сторон сыпались возмущенные возгласы прохожих, но он ни разу даже не обернулся, не сводя глаз с ускользавшего силуэта и больше всего боясь потерять его из виду. Был момент, когда ему показалось, что он ее нагнал, и он помчался еще быстрее. И тут сильная мужская рука оттолкнула его назад.

– Эй! Вы так кого-нибудь с ног собьете!

Он не ответил и рухнул между двумя японскими туристами. На ноги ему удалось встать, только прокатившись несколько метров. Где она? Да где же она? Он лихорадочно вглядывался в толпу. Его кто-то толкал, он перед кем-то извинялся… Обшаривал глазами море людских лиц… Скорее! Вдруг где-то справа мелькнула длинная черная коса. Джонатан изо всех сил бросился туда, вытянув вперед руки, чтобы удобнее было прорываться сквозь толпу, и кричал, чтобы ему дали дорогу. Да пропустите же, черт вас возьми!

И тут он разглядел ее профиль – это точно была она! Он помчался зигзагами и наконец ее догнал, с последним рывком ухватив за руку.

Цыганка быстро обернулась, и взгляд ее ударил, как выстрел. Джонатан задыхался, она тоже была уже без сил. На лице ее сверкали капли пота, оттеняя черные глаза, ноздри в бешеном ритме расширялись и опадали.

– Говори! Я имею право знать!

Она, задыхаясь, глядела на него, но губы ее были сжаты.

– Я хочу знать, что ты увидела! Скажи мне!

Он крепко ее держал. Проходящие мимо люди толкали их. Девушка продолжала не мигая на него смотреть. А он не знал, что же делать.

– Скажи, сколько ты хочешь, и говори!

Она молчала.

Джонатан в отчаянии стиснул ей руку. Глаза ее чуть потемнели от боли, но она молча продолжала его разглядывать, словно скованная запретом. Губы ее были плотно сжаты.

И тут он понял, что она ничего не скажет. Они стояли друг напротив друга и сверлили друг друга глазами. И он выпустил ее руку.

На удивление, она не убежала, а осталась стоять на месте. Он растерялся:

– Ну пожалуйста…

Она не сводила с него глаз. Толпа расступилась перед ними, а потом снова сомкнулась, окружив их плотным кольцом.

Джонатан молчал, ни о чем больше не прося. Да он больше ничего и не ждал.

А она вдруг медленно, словно против воли, произнесла:

– Ты скоро умрешь.

Потом повернулась и исчезла в толпе.

4

Не каждый день вам объявляют о вашей смерти. Предсказание в форме смертного приговора потрясло Джонатана. Совершенно оглушенный, он оказался один в толпе прохожих, приводивших его в отчаяние своим прекрасным настроением.

Но ближе к вечеру здравый смысл постепенно начал брать верх. До сего дня он никогда не обращал внимания на всяких предсказателей, ясновидцев, гадалок на картах и прочих астрологов. Для него все они были одним миром мазаны: все морочили головы простым людям и наживались на их доверчивости. Он, Джонатан Коул, много учился и считал себя человеком интеллигентным. Ну нельзя же быть таким дураком, чтобы во все это поверить! Да ладно, прежде всего не надо позволять сбить себя с толку.

«Не надо позволять сбить себя с толку», – без конца повторял он спустя два дня. Но в тех рассуждениях, к которым он прибегал, чтобы себя успокоить, что-то не клеилось. Слова цыганки явно не были продиктованы соображениями выгоды: она убежала, так ничего с него и не спросив…

Не думать об этом. Почувствовав, что к нему возвращается способность трезво мыслить, он решил отвлечься на новости в смартфоне или погрузиться в полученную почту. Еще хорошо помогало обдумывать планы на будущее. К примеру, увольнение из фирмы. Как только приличные результаты позволят ему еще увеличить доход, он арендует дом попросторнее, чтобы у Хлои была своя комната, когда она будет к нему приезжать. А то ему уже осточертело разбирать и собирать раскладушку в гостиной. А потом можно будет подумать о смене автомобиля: надо же доставлять себе маленькие удовольствия…

На третье утро Джонатан встал с головной болью. Боль долбила в одну точку и была очень сильной. Его воспаленному рассудку хватило нескольких секунд, чтобы усмотреть в этом связь. Тревога охватила его… и начала мучить. Прошло полчаса – и он взялся за телефон.

– Я бы хотел записаться к доктору Стерну.

– Минуточку, сейчас взгляну, когда у него будет время, – профессионально ответил безликий женский голос.

– Это… это очень срочно.

В трубке зазвучала тихая, вкрадчивая мелодия фортепиано. Он терпеливо ждал, а тревога все нарастала. В голове толпились беспорядочные мысли. Он уже видел себя в больнице, после операции на мозге. А сможет ли его страховка покрыть расходы на такое вмешательство?

– Не отсоединяйтесь, у меня параллельный вызов.

Снова, истекая нежностью, заиграло фортепиано.

Сквозь открытое окно долетали крики Гэри, пекаря и продавца маффинов. Задний двор его лавочки оканчивался лужайкой, которая примыкала к садику на заднем дворе дома Джонатана. В каникулы здесь играли его сыновья, а Гэри на них сердился и отчитывал при каждом удобном случае. Бедным мальчишкам доставалось ни за что ни про что. Надо заметить, что пекарню Гэри нельзя было назвать процветающей. Маффины ему удавались на славу, но посетителей было мало, и в конце месяца он еле сводил концы с концами…

Фортепиано все играло и играло. И тут Джонатан вдруг спохватился. Головные боли у него случались и раньше – так с чего он в этот раз так разволновался? Внутри поднялась волна гнева, и он в ярости отсоединился. И все из-за чертовой цыганки! Не внуши она ему тогда эти идиотские мысли, он бы до такого не дошел!

Он был вне себя. Злился и на цыганку, и на самого себя, что так легко повелся на воздействие. Да как она посмела говорить ему такие вещи! По какому праву? Что она, в сущности,

о нем знала, спрашивается? И если ему действительно суждено умереть, то когда? Вот ведь в чем суть – разве не так?

Он вышел из дома, чтобы позавтракать на свежем воздухе. Времени было не так много, но ему хотелось с кем-нибудь поделиться мыслями, прежде чем отправиться к компаньонам.

На улице было еще свежо. Он глубоко вздохнул. Ну, хоть дышать-то еще можно бесплатно в этом подлом мире. Но они все равно найдут способ, как заставить платить – к примеру, за очистку воздуха. И он похвалил себя за то, что подписал петицию о запрещении автомобилей, особенно злостно загрязняющих атмосферу.

Чтобы сэкономить время, он завернул к Гэри. Уже на пороге его охватил запах свежепрожаренных кофейных зерен. Заведение особым весельем не отличалось: в углу сидел всего один посетитель. Но маффины были вкусные, хотя за такую цену могли быть и побольше.

Гэри молча подошел и еле слышно буркнул «здрасте». Над его маленькими сощуренными глазками чернели густые, вечно нахмуренные брови, а рот прятался в бороде. Все это вместе делало его похожим на большого медведя.

Он принял заказ еще менее приветливо, чем всегда, хотя вообще был скуп на улыбки. Нехватка радушия у него ощущалась во всем.

Высоко на красной кирпичной стене висел телеэкран, и с него смотрело лицо журналистки CNN, которая брала интервью у Остина Фишера, чемпиона по теннису. Если тот выиграет турнир, то побьет абсолютный рекорд по победам среди участников Большого шлема. Конечно, напряжение велико, не без колкости заметила журналистка, и прежде всего потому, что Остин Фишер пока так и не добрался до «Флашинг Медоус», чей скоростной корт ему явно не благоприятствовал, напомнила она, безошибочно нанося удар в самое больное место.

Джонатан вгляделся в лицо чемпиона, чей силуэт сейчас занял весь экран. На его одежде повсюду виднелся логотип фирмы «Найк». И сразу узнал кадры из того поединка, где теннисист одержал свою последнюю победу. Неулыбчивый от природы, он провел игру результативно и жестко, на грани беспощадности. Может быть, именно поэтому он и не возбуждал симпатий болельщиков, хотя и был воплощенным преодолением себя.

Жуя маффин, Джонатан вдруг обнаружил, что головная боль прошла. К концу завтрака он принял решение. Он разыщет цыганку и потребует от нее объяснений. Она должна объясниться. Нет ничего хуже неопределенности и всяческого тумана. Недосказанность овладевает разумом, и он отчаянно ищет ответы, которых ему так не хватает. А он вовсе не собирается провести остаток жизни в каких-то безумных размышлениях или жить в беспричинном страхе. В ближайшие выходные он все выяснит.

Он попросил счет и пересчитал сдачу. В прошлый раз он чуть не вляпался: Гэри вместо десяти долларов сдал ему пять. И Джонатан потом спрашивал себя, уж не нарочно ли он это сделал.

Остаток недели прошел спокойно. Он погрузился в работу, ежедневно сражаясь за результаты, которые они с компаньонами себе наметили.

Это поможет заткнуть рот Майклу, а то он уже сказал однажды, умирая со смеху: «Будь я клиентом, твоя физиономия мне бы доверия не внушала». И как только эта фраза всплывала в памяти, все существо Джонатана наполнялось жаждой реванша. Победить Майкла возможно – надо только работать без устали.

Настала пятница, и Джонатан вдруг понял, что присутствие Хлои на выходных помешает ему разыскать цыганку. А тащить девочку с собой на поиски немыслимо… Он чувствовал, что не в силах долго ждать. Ему *необходимо* увидеть цыганку и поговорить с ней. У него просто не хватит мужества мучиться еще целых восемь дней.

Кончилось тем, что он бросился к телефону:

– Анжела, это я, Джонатан.

Тишина.

– Алло?

– Да, я тебя слушаю, Джонатан…

– У меня тут… небольшое затруднение… Я…

– Могу угадать: ты занят в эти выходные?

– Нет, но… ну, если… в конце концов…

– Не виляй, Джонатан. А я вот занята. У меня много работы в огороде…

– Я просто хотел привезти Хлою в воскресенье чуть раньше, чем мы договорились.

Молчание.

В трубке послышался вздох.

И Джонатан не стал настаивать.

Наступили выходные. С высоты своих семи лет Хлоя, как обычно, щедро одаривала маленький дом прекрасным настроением. В субботу они отправились на Стинсон-Бич[5]. Всю ночь дул сильный ветер, и волны, чуть выше, чем обычно, с громким плеском бились в песок, обдавая все вокруг соленой водяной пылью.

Все утро Хлоя играла на пляже, выкопала в песке бассейн, построила замок. Но самым любимым ее занятием было носиться по кромке воды, подпрыгивая, когда накатывала очередная волна.

– Папа! Иди сюда, поиграем!

– Потом приду, милая.

Он следил за девочкой краем глаза, одновременно отвечая на письма клиентов. Если накопится слишком много сообщений и писем, ситуация выйдет из-под контроля.

– Папа, ну иди сюда!

Ей наконец удалось вытащить его к воде, и она с радостным визгом повисла у него на шее, обдав его ледяными брызгами. Протесты Джонатана потонули в ее звонких криках.

Пообедать они устроились в кафе «Парксайд», в тени большой зонтичной сосны. Ее разогретые солнцем иголки источали терпкий аромат. Потом Хлоя побежала на игровую площадку напротив кафе.

– Ну, пойдем, папа, ну пожалуйста, – упрашивала она.

– Беги, а я буду на тебя смотреть.

Джонатан завидовал ее способности так беззаботно радоваться жизни. Он наблюдал, как она играет, и пытался воспользоваться моментом. Но как тут расслабишься, если тебе еще надо сделать кучу вещей и ты знаешь, что, пока ты тут сидишь в бездействии, заботы растут как снежный ком? Заботы не давали ему позабыть о себе и, как колючки, впивались со всех сторон, притворяясь мыслями. Надо привести в порядок погреб, скопировать и сохранить тысячи фотографий, пока какая-нибудь досадная случайность их не уничтожила; съездить за покупками и не забыть запастись туалетной бумагой фирмы «Сопалин»; пока на дворе лето, покрасить ставни, чтобы не прогнили; помыть машину; полить сад и выполоть наконец проклятый клевер, пока снова не отрос. Ах да, черт возьми, вот еще что: ответить тетушке Марджи, которая прислала ему о своих новостях очаровательное письмо, написанное от руки. Теперь таких уже не пишут. И ответить надо было еще месяц тому назад… Позор…

В мозгу вдруг возник образ тех двух цыганок. Он представил себе, как они промышляют вдоль дамбы, возле Пирса-39. Еще целых восемь дней ждать… Жестокая все-таки штука, такое ожидание!

– Папа, ну, давай же…

[5] *Стинсон-Бич* – огромный тихоокеанский пляж в курортном пригороде Сан-Франциско.

Джонатан тряхнул головой и попытался улыбнуться. Ну какое там играть с дочкой, когда навалилось столько проблем?

Но Хлоя не унималась и подбежала к нему:

– Тогда расскажи мне какую-нибудь историю!

– Ладно, расскажу.

– Да! Да! Вот здорово!

Она снова повисла у него на шее.

– Так вот… это история…

Тут зазвонил мобильник. Высветился номер клиента, встречи с которым он искал уже дня два.

– Милая… одну минуту – это очень важный звонок. И прежде всего не шуми. Тихо!..

На следующий день они поехали на велосипедах вдоль побережья и, доехав до Ломбардских Ворот, повернули на запад и оказались спиной к проклятой дамбе. Теперь их путь шел по тропе в парке Пресидио, среди красивых маленьких домиков и высоких хвойных деревьев, четко выделявшихся на фоне неба. Ослепительный сапфировый океан простирался насколько хватало глаз и едва колыхался под порывами теплого ветра. Время от времени из-за поворота выныривал стройный силуэт Золотых Ворот, словно какой-то хитрый художник забавы ради перегородил залив росчерком оранжевой кисти. Хлоя что есть силы азартно крутила педали своего маленького велосипеда, радость в ней била через край, с губ не сходила широкая улыбка, и Джонатан невольно заражался этим детским счастьем. Он даже позабыл о страшном предсказании. Но тут из-за поворота показалось Национальное кладбище, и панорама тысяч белых крестов, рассыпанных по холмам, до конца прогулки словно привязала к нему свинцовый груз.

Джонатан привез Хлою к матери точно в назначенное время. И, как обычно, улыбнулся, чтобы скрыть рану, которую всякий раз наносило ему расставание. Дождавшись, когда дверь маленького желтого дома закроется, он быстро уехал. Девятнадцать ноль одна. *Кто знает*? Туристы, конечно, уже разошлись с дамбы по отелям, а воскресные гуляки – по домам. Но попробовать стоило. Любое занятие облегчает тревогу.

Он поборол желание резко рвануть с места – не хватало еще заплатить штраф за превышение скорости, – потом добрую четверть часа колесил по портовому кварталу в поисках, где бы припарковаться. Когда он бежал к дамбе, все внутри у него сжалось от волнения. Его охватил страх, и чем ближе он подбегал к месту, тем сильнее, до судорог, напрягались ноги. Против ожиданий, на дамбе было еще полно людей – все наслаждались прекрасным, тихим вечером. Чтобы ничто не загораживало обзор, Джонатан забрался на скамейку и принялся осматривать набережную вдоль и поперек. Однако никаких следов цыганок не обнаружил. Он перешел площадь, прочесывая взглядом толпу в поисках длинной черной косы, вглядываясь в лица. Ничего. Потом дошел до самого конца дамбы, вернулся и, как часовой, готовый крикнуть «кто идет?», начал настороженно обследовать другой пирс. Безрезультатно. В полном разочаровании он подошел к разносчику мороженого.

– Чем могу служить? – спросил мороженщик, человек лет пятидесяти, с матовым лицом и жесткими, неаккуратно постриженными иссиня-черными волосами, которые падали ему на лоб.

– У меня только один вопрос: вы видели здесь сегодня цыганок? Ну, тех, что гадают по ладони…

Мороженщик прищурился и с подозрением спросил:

– А зачем они вам?

– Одна из них мне… предсказала будущее, и я хотел бы порасспросить ее поподробнее… Попросить о втором сеансе. Вы их знаете?

С минуту мороженщик внимательно его разглядывал.

– Они тут были ближе к вечеру. А где они сейчас – не знаю.

– Они все время здесь бывают по выходным?

– Я не отслеживаю, где они бывают. Мадам, что у вас за духи?

Джонатан еще раз обшарил взглядом толпу и нехотя отправился к машине. Может, повезет в следующие выходные. Но в глубине души он в это не верил и чувствовал, что надо отказаться от дальнейших попыток, а о глупом предсказании, которое ничего не доказывает, просто-напросто забыть. Ведь если бы линии на ладонях говорили о нашей жизни, ученые давно бы знали об этом – разве не так? А потому лучше всего позабыть всю эту чушь, и как можно скорее. Перевернуть страницу – и баста.

Он вдруг вспомнил своего факультетского приятеля Джона, который когда-то, вооружившись маятником, предсказал, что у него будет… сын. Джонатан не удержался и улыбнулся и в тот же миг увидел перед собой цыганку. Но это была другая цыганка, та, что постарше и покрепче, – это она окликнула убегавшую гадалку, назвав ее Лизой.

И теперь он в буквальном смысле слова наскочил на нее:

– Где ваша подружка? Мне надо ее видеть!

Ничуть не испугавшись, она смерила его суровым взглядом.

– Что тебе надо? – грубо отрезала она. – Ты и так уже виделся с моей сестрой. Чего тебе еще?

Не дожидаясь ответа, она резко схватила его руку и принялась отгибать пальцы. Он сморщился, но подчинился.

– Лиза тебе все сказала, – бросила она, высвободившись. – Ты скоро умрешь. Так написано.

– А кто позволил вам говорить такие вещи? Это возмутительно – внедрять такое в человеческие головы!

– А если не хочешь слушать, чего тогда вернулся?

– Но когда мне суждено умереть? Когда?

Она пренебрежительно взглянула на него, и в глазах ее не было ни следа хоть малейшей жалости.

– Ты уже сейчас должен быть мертвецом. Считай, что тебе повезло. Но в этом году точно сдохнешь. А теперь оставь нас в покое.

Ярость, с какой она это произнесла, буквально пригвоздила Джонатана к месту. Совершенно опустошенный, он смотрел ей вслед.

5

Последующие дни были особенно тяжелыми.

У Джонатана было такое ощущение, что ему крепко дали по голове. Получалось, что он, поначалу отказавшись верить первой цыганке, теперь принял ее всерьез. А ее сестрица… Вот уж гнусная, наглая баба, он ее просто возненавидел. Но хуже всего было то, что он почувствовал… искренность ее слов. В них не было ни малейшего сострадания или сопереживания, но они были… искренни. И звучала в них грубая вольность, обезоруживающая и опустошающая.

Конечно, можно быть искренним и тем не менее заблуждаться и ошибаться, даже если уверен в себе. Не суть важно… Но Джонатана все это загнало в какое-то оглушенное, безгласное состояние. Он чувствовал, что земля уходит у него из-под ног, а жизнь его готова рухнуть. Вопросом, сколько проживет, он никогда не задавался, а теперь вдруг понял, что конец уже виден, и эта мысль была неприемлема и невыносима.

Он попытался вернуться в русло нормальной жизни: вставал в положенное время, безропотно выполнял все свои рабочие обязанности. Но предсказание цыганки не давало ему покоя, и в глубине души он спрашивал себя: а так ли уж она неправа?

В таком полулетаргическом состоянии он провел целую неделю, потом встряхнулся и решил отправиться к доктору Стерну. Тот назначил анализы крови, рентген, сканирование, МРТ – в общем, полное обследование. Просмотрев результаты, он бесстрастным голосом сообщил, что при отсутствии даже незначительных симптомов заболевания страховая компания вряд ли согласится считать случай страховым, и набросал смету в семь тысяч восемьсот долларов за лечение, отчего Джонатан просто лишился дара речи.

Все это он пережил как огромную несправедливость. Он был богат и вполне мог бы пройти курс лечения и со временем выздороветь. День за днем он с горечью обдумывал такую рекомендацию, а потом успокоился. В конце концов, все медицинские обследования ничего не дают. Если он должен умереть, он умрет в любом случае. От судьбы не уйдешь. Разве не об этом свидетельствует история Катерины Медичи? Ее астролог Руджери предсказал ей, что она умрет вблизи от Сен-Жермена. Всю жизнь она держалась в отдалении от мест, носивших это имя, вплоть до того, что велела прекратить строительство дворца в Тюильри, потому что его хотели возвести слишком близко от Сен-Жермен-л'Оссеруа. Но однажды она заболела, и настолько серьезно, что к ней вызвали священника. Уже в агонии она повернулась к нему и, собрав последние силы, спросила, как его имя. Тот ответил приветливым, ободряющим голосом: «Жюльен де Сен-Жермен». Глаза престарелой королевы вылезли из орбит от ужаса, и она испустила дух.

Джонатан устал. Он чувствовал себя как птица, которой заряд дроби на лету изрешетил крылья.

И все-таки он продолжал цепляться за привычную жизнь, хотя ему все труднее становилось улыбаться, когда положено, и играть роль отца, соседа, да и просто мужчины. Встречи, сделки, упрямство клиентов, подписи, уличные пробки, недостигнутые цели… Да, господин клиент, нет, господин клиент… А потом еще беготня по магазинам, стирка, мытье посуды, уборка дома, вынос мусора, счета, заявления… Снова началась ежедневная борьба, началась жизнь, что утратила было свой вкус, а теперь снова обрела – тот самый вкус, оценить который он раньше был не в состоянии, а теперь его задним числом облагородила грядущая гибель. Ценность жизни понимаешь только тогда, когда она оказывается под угрозой.

Отныне смерть постоянно реяла над Джонатаном, накладывая на его жизнь тонкий, еле уловимый отпечаток. Если не считать страха, который в глубине души постоянно его терзал, мозг его избавился от всего, что раньше очень занимало внимание. К примеру, от привычки тешить себя в печальном настоящем, щедро разбрасывая по территории будущего разные при-

ятные посулы: как проведет будущий отпуск, как купит новую мебель, пару новых ботинок, новую машину. От надежд на счастливый случай, а прежде всего на то, что настанет день, когда он сможет наконец переехать в более просторный дом. Все будущее, о котором он мечтал до сих пор, оказалось отнятым. Исчезло. Ему оставалось только то, что он уже имел, то есть хмурое, полное проблем настоящее, без всякой надежды на перемены.

И однажды утром, когда надо было вставать и отправляться на работу, он вдруг понял, что так продолжаться не может. Его больше ничто не волновало – любая мотивация исчезла. И не было сил подняться.

Смятение, в котором он пребывал, привело к тому, что он начал вообще сомневаться в смысле своего существования. Зачем это все? К чему все это приведет? Непрерывно работать, сражаться с трудностями, чтобы потом явиться в магазин и удовлетворить несколько потребностей, навязанных обществом, ощутив при этом ничтожное и недолгое удовлетворение? А потом опять работать, чтобы в следующие выходные получить ту же возможность? Так что же такое жизнь, как не чередование рабочего остервенения и пустых, эфемерных удовольствий?

Его честолюбивое стремление превзойти самого себя и обогнать Майкла по цифрам продаж теперь просто обесценилось. Стало не более чем источником смехотворной мотивации, лишенной всякого реального интереса. А разве имела хоть какой-то смысл сама его работа? Подписывать все больше и больше контрактов… А на черта это, в сущности, нужно?

Джонатану было необходимо передохнуть, остановить эту сумасшедшую гонку, отступить назад, чтобы правильно оценить, что же происходит. Надо было решить, чем заполнить остаток жизни. Если уж ему действительно предстоит умереть к концу года, то как он хотел бы прожить эти последние месяцы?

Он собрал сотрудников и объяснил, что вопросы личного характера вынуждают его сделать паузу. Его отсутствие не должно ни в какой мере сказаться на их финансовом положении: разделение прибылей прописано в контракте, который каждый из них подписал. Контроль над делами будет осуществлять ассистент.

– И долго тебя не будет? – спросил Майкл.

Джонатан глубоко вздохнул. На этот счет у него точных мыслей не было.

– Сколько понадобится времени, столько и не будет…

Анжела от комментариев воздержалась.

В этот день Майкл вежливо проводил его до дверей кабинета.

– Я прекрасно понял, что что-то не клеится, – сказал он, понизив голос. – Послушай, ты действительно отдохни и подумай над моим предложением.

Вернувшись домой, Джонатан побросал в дорожную сумку минимум необходимых вещей, прыгнул в свой старенький белый «шевроле» и выехал на шоссе номер 101, которое вело на юг. Утренний туман уже рассеялся, и ослепительно-голубое небо показалось ему огромным.

6

– Итак, с нами снова Ева Кэмпбелл, наш специальный корреспондент на корте «Флашинг Медоус».

– Да, Тони, представьте себе, Остин Фишер только что выиграл первый тур US Open. Он одним махом справился с симпатичным австралийцем Джереми Тейлором, игроком, который занимает сорок третье место в мире. Безупречный матч, по трем сетам счет 6:2, 6:4, 6:3. Остин Фишер стоит рядом со мной…

– Ты что, всегда ешь, уставившись в телевизор? – сказала Анжела.

Они сидели на террасе кафе возле открытого окна, и Майкл не сводил глаз с экрана телевизора, что висел внутри на стене.

– Бьюсь об заклад, что он выиграет турнир.

– Гениально! – пропела Анжела со своим неподражаемым сарказмом.

– Имей в виду, он побил рекорд побед в турнирах Большого шлема, он…

– Это в корне изменит мою жизнь.

С этими словами она взяла с тарелки гамбургер и впилась в него зубами.

– Ну признайся, это же неверо…

Анжела, с полным ртом, перебила его:

– Хлоя перестанет будить меня по ночам, ей не будут больше сниться кошмары…

– Подожди…

– Клиенты станут подписывать контракты не торгуясь…

Майкл прыснул со смеху:

– Анжела…

– Да нет, валяй, продолжай смотреть. Меня же тут нет…

– Слушай, ну экран болтается у меня перед глазами, и невозможно не смотреть…

– В любом случае ты с успехом сопротивляешься желанию поговорить с дамой, которая сидит напротив.

Майкл расхохотался:

– А ты, похоже, вовсе не собираешься делать из меня новую мишень для разрядки дурного настроения…

Анжела тоже улыбнулась. Майкл налил ей вина.

– Как думаешь, Джонатан быстро вернется или застрянет? – спросила она.

– Уверен, что вернется.

Анжела нахмурилась:

– Прошлый раз ты думал как раз наоборот…

– Да… но я считаю, что он с собой справится и вернется к работе. Видишь ли, чем больше я об этом думаю, тем больше прихожу к выводу, что он из тех, кому нужно за кого-то или за что-то зацепиться. А здесь он все время в связке с жизнью.

– Ты что, решил испортить мне настроение и меня же в этом упрекнуть?

Майкл улыбнулся:

– Да нет… просто я думаю, что ты попусту тратишь время на всякие надежды. Напрасный труд.

– Ты, видно, и в самом деле хочешь испортить мне аппетит?

– Ну ясно же было, что у вас сложилась невыносимая ситуация…

Анжела вздохнула и откусила еще кусок гамбургера.

– До чего же все мужики подлецы и трусы…

– Благодарю за обобщение…

– И абсолютно не способны брать на себя ответственность…

– Ну, о Джонатане этого не скажешь.

Анжела пожала плечами:

– В тот день, когда я вошла в дом и обнаружила там какую-то девицу с голой грудью, знаешь, что он мне заявил? Никогда не догадаешься.

– Ну и что он заявил?

– «Это не то, что ты думаешь… это наша новая няня… я наконец нашел…»

Майкл снова улыбнулся:

– Должно быть, это вызвало у тебя шок.

– А я его спросила, уж не подверг ли он няню тестированию на лактацию. Для девочки семи лет.

Майкл расхохотался.

Анжела откусила еще кусок и принялась жевать, глядя в пустоту.

– А хочешь, я тебе кое-что скажу? – спросил Майкл, немного отдышавшись.

– Валяй.

– Если бы я был на твоем месте, то это я ушел бы из компании. Чтобы раз и навсегда перевернуть эту страницу.

– Это моя работа. И я рада, что сюда пришла…

– Я только высказал свое мнение.

– Ни за что в жизни! Слышишь?

– Да я просто так сказал…

– А мне теперь придется поднимать Хлою в одиночку, и я же еще должна искать новую работу, а время бежит… Еще чего!

– Мне твоя реакция понятна, но тебе надо подумать о своих интересах абстрактно, а не только в зависимости от Джонатана.

– Не вечно же мне приносить себя в жертву…

Майкл отпил глоток вина.

– Послушай, ты не спеши и подумай. Если изменишь мнение, скажи мне. Может, у меня будет к тебе одно предложение.

Камера вышла из режима зума, и стало видно всю террасу целиком, а потом Райан ее вообще выключил.

Это не шло ни в какое сравнение со вчерашней съемкой, где Джонатан на четвереньках, шаг за шагом вырывает с корнем клевер и поливает лужайку гербицидом, как и все. Он выглядел таким идиотом, что Райан сразу расхохотался. Видео имело успех: сто четырнадцать лайков и семнадцать комментариев.

Райан отхлебнул глоток кока-колы.

На террасе он заметил двух молодых парней, занятых оживленным разговором. Он навел микрофон, настроил звук и включил камеру.

7

Шоссе номер 101 идет вдоль берега залива Сан-Франциско километров двадцать, потом сворачивает в сторону и часа через два пути снова возвращается к океану в районе Монтерея[6]. Дальше к югу растительность становится все гуще и пышнее и пейзажем завладевают сосны, источающие аромат отпуска.

Солнце стояло еще высоко, когда старенький «шевроле» Джонатана въехал в аллею, обрамленную кипарисами и бугенвиллеями[7]. Из-за поворота вынырнул дом, где жила его тетушка. Белый домик в обрамлении зелени излучал истинное непритязательное очарование.

Джонатан выключил двигатель и открыл дверцу. Нежный аромат цветов сразу вернул его на тридцать лет назад. Ему тогда было шесть лет, они с родителями только что вернулась из Франции, и его впервые привезли к тете Марджи. Едва он вылез из машины, его сразу околдовал запах роз, клематисов и жимолости, который окутывал домик райским ароматом, будто бы какая-то фея рассыпала над домом и садом пригоршню волшебного порошка. И теперь, тридцать лет спустя, цветы источали тот же аромат и будили те же чувства.

Джонатан пошел к дому. Под ногами поскрипывал гравий. Метрах в ста внизу, прячась за ветвями столетних сосен, потрепанных ветрами множества зим, спал темно-голубой океан.

Тетя Марджи появилась на крыльце с той же улыбкой, какой ее лицо лучилось тридцать лет назад, когда они увиделись впервые. Глаза все так же сияли радостью, живостью и даже озорством, не свойственным людям ее возраста.

Жизнь ее была полна диковинного и необычного. Джонатан знал, что она трижды была замужем и профессий имела примерно столько же, сколько и мужей. Во-первых, археология: она занималась изучением строения черепа первых обитателей планеты, предпочитая людям окаменелости, и проработала в профессии больше двадцати лет. Потом она заявила, что живые люди гораздо интереснее мертвецов, и принялась изучать биологию. После нескольких лет работы в лаборатории она создала собственный фонд, суть деятельности которого Джонатан представлял себе смутно. Какие-то исследования в областях, давно заброшенных наукой. Она уже лет десять как вышла на пенсию, но оставалась почетным председателем фонда. У него было подозрение, что она никогда всерьез не перевернет эту страницу и будет поддерживать контакт с исследователями.

– Твоя комната готова, – сказала Марджи. – Можешь оставаться, сколько захочешь!

Они обнялись.

– От тебя уже давно не было известий, – сказала Марджи. – А потому я сделала вывод, что у тебя, наверное, не так уж много неприятностей.

– Марджи!

Она коротко рассмеялась. Конечно, она была права, и в глубине души Джонатан почувствовал себя виноватым: он действительно редко навещал тетку без повода, хоть и очень ее любил. Наша суматошная жизнь порой вынуждает нас оставлять без внимания тех, кого мы любим.

– Я месяц назад получил от тебя письмо и хотел ответить, да все времени не было…

– Рада тебя видеть, ты совершенно правильно поступил, взяв отпуск. Нельзя все время крутить педали, упершись лбом в руль: от этого дуреешь.

Он получил во владение приготовленную для него комнату на втором этаже. Комната была чудесная, с белыми стенами и очаровательной, давно вышедшей из моды мебелью, выкра-

---

[6] *Монтерей* – город в Калифорнии на берегу Тихого океана.

[7] *Бугенвиллея* – очень красивое декоративное растение из семейства лиан. Цветет сплошным покровом цветов, в основном оттенков от розового до темно-малинового.

шенной в пастельные тона. Воздух в комнате чуть застоялся. По стенам повсюду были развешаны картины, гравюры и старые фотографии, сделанные в Индии, в Египте и на Ближнем Востоке – в тех местах, где хозяйка дома побывала с археологическими экспедициями. На столике в изголовье кровати лежала книга Карла Ясперса[8]. Джонатан подошел к окну и распахнул его. Петли слегка скрипнули, и комнату наполнили ароматы сада. Вид на океан открывался потрясающий. За пышно разросшимся садом уходила в бесконечность густая синева. Джонатан высунулся из окна и полной грудью вдохнул лазурный воздух.

Шум и грязь большого города казались ему теперь далекими, как и все треволнения его работы.

Наутро он был неприятно удивлен, обнаружив очередную неисправность в автомобиле. Внутри сразу вспыхнул протест, граничащий с яростью: неужели беды и здесь его настигнут? Что же, значит, он обречен от них отбиваться до конца дней? Может, и вправду у него такая судьба?

– Ну что, так и будешь еще двадцать лет об этом вспоминать? – насмешливо спросила Марджи, заметив его замешательство.

– О чем?

– Да об этой поломке.

– Ну… да нет, конечно. С чего бы?

– Ну и забудь сразу же! – хитро заявила она.

Он удивленно на нее уставился.

Она смотрелась такой тоненькой и хрупкой рядом с красивой стелой, стоявшей в этом уголке сада. Стела была точной копией той, что она когда-то нашла в Аравии в самом начале своей карьеры. Изящно высеченный обелиск покрывали надписи на арамейском языке.

– И не говори мне, что эта железяка способна повлиять на твое настроение!

– Главное, теперь придется звонить владельцу станции обслуживания, сетовать, что ремонта надолго не хватило, снова злиться, торговаться, может, и пригрозить… Устал я со всеми бодаться.

Марджи рассмеялась.

– Не вижу, что тут смешного.

– Ох, бедняга ты мой!

– Ну что ты смеешься?

– Ты мне сейчас очень напомнил моего первого мужа! Ему жизнь тоже представлялась непрерывным сражением, где ежеминутно надо было выстоять. А моя обычная жизнерадостность приводила его в бешенство. Он считал меня везунчиком, счастливицей, которую все беды обходят стороной, в то время как на него они сыплются непрерывно и он ежедневно должен от них отбиваться. И только под конец жизни до него дошло, что большинство невзгод были следствием его взгляда на мир, а не причиной.

Она ушла в дом, оставив Джонатана один на один с решением проблемы, которое ему, кстати, показалось не особенно удачным.

– А пока, – крикнула она из кухни, – можешь взять мой старый драндулет: ему невредно будет размяться. Я его вывожу из гаража примерно раз в неделю, когда езжу за покупками, и он, должно быть, смертельно скучает.

– А твоя страховка позволяет?

– Без проблем.

---

[8] *Карл Ясперс* (1883–1969) – немецкий философ, психолог и психиатр, один из основных представителей экзистенциализма, создатель теории осевого времени.

Дверь гаража с устрашающим скрежетом распахнулась, и оттуда дохнуло застоявшимся воздухом с легким запашком плесени. Старый темно-красный кабриолет «триумф» с черным, слегка поблекшим капотом, должно быть, сошел с конвейера в начале семидесятых.

Автомобиль прокашлялся и, глухо ворча, без труда тронулся с места. Джонатан откинул верх и надел солнечные очки.

Через несколько минут он уже колесил по узким безлюдным дорогам Биг-Сура[9] среди зеленеющих горных склонов, круто обрывавшихся к морю. Прибрежный воздух был напоен множеством запахов, и на небе сияло вечное солнце. Джонатану все-таки удалось выдернуть себя из беспокойной и тревожной повседневности, и теперь ему отчаянно хотелось наслаждаться каждой секундой. Если уж ему и вправду суждено умереть молодым, надо на полную катушку использовать оставшееся время, не давать обыденности себя подмять и не жаловаться на судьбу. Если бы жизнь состояла только в том, чтобы пользоваться всеми радостями, что она предлагает, то лучшего места, чем это, он вряд ли нашел бы. И он дал себе слово радоваться каждому мгновению и не думать о смерти.

Под конец недели он уже излазил множество прелестных уголков побережья, нырял в прозрачную воду безымянных бухточек, дремал, растянувшись на песке и глядя на звезды. Потом вместе с Марджи ел вкуснейшие пирожные, рецепты которых она ревниво хранила в тайне. Он бродил по кромке воды, слушая крики чаек, отплясывал на открытой террасе ночного клуба, сполна наслаждался флиртом без продолжения и каждый вечер любовался закатом с бокалом шардоне в руке.

Однако связи с привычным миром он, разумеется, не терял. Электронные сообщения и новости на сайтах газет составляли слишком большую часть его жизни, чтобы он мог без них обойтись. На одни письма клиентов он отвечал сам, а другие переправлял ассистентке. И день за днем старался быть в курсе всего, что происходило в мире.

Отдых явно шел ему на пользу, и он вел беззаботное существование, полностью погружаясь в состояние блаженной лени.

Однако шло время, и он начал ощущать внутри себя еле заметную пустоту. Праздность была, конечно, приятна, но в конечном итоге не приносила ни удовлетворения, ни особой радости. Удовольствия следовали одно за другим, но быстро теряли остроту, толкая его на поиски новых развлечений. И он начал понимать, почему сладкая жизнь многих отпрысков богатых семей так быстро приводила их к тяжелым наркотикам.

Его же проблема была в другом – во времени. Время все ускоряло и ускоряло свой бег. Ему казалось, что дни, даже почти ничем не занятые, пролетают в мгновение ока. Он чувствовал, что такое существование промелькнет очень быстро, а вместе с ним – и остаток жизни.

Ему хотелось найти способ удержать время. Когда он был мальчишкой, обычный послеобеденный отдых казался ему бесконечно долгим. А когда повзрослел, жизнь понеслась бешеным аллюром и каждый прожитый год казался короче предыдущего. К тому же его приятель-физик как-то сказал ему: с точки зрения восприятия человек достигает середины своей жизни к шестнадцати годам.

[9] *Биг-Сур* – живописный малонаселенный район побережья Центральной Калифорнии, где горный хребет Санта-Лусия вплотную подходит к побережью Тихого океана. Биг-Сур очень популярен среди туристов.

8

Ну что ты будешь делать, а? Одна пошлятина лезет, хоть бы еще смешно было…

Алюминиевая крышечка банки с шипением открылась, Райан сорвал ее, и она со стуком упала на пол. Кока-кола потекла в стакан, заполняя его густой, искрящейся пеной. Райан, не дожидаясь, когда пена осядет, поднес стакан к губам. Знакомый запах. Крошечные пузырьки лопались, обдавая лицо пылью капелек, щекотавших кожу. Он отпил несколько глотков, поставил стакан и вытер губы рукавом черной тенниски.

Вот уже два дня, как он ничего не выкладывал в блог, и теперь чувствовал, как в нем просыпается голодный тигр.

Он прошел через гостиную в спальню и задумчиво уставился в окно.

Взгляд сверху вниз на анфиладу палисадников и на такие же палисадники домов, стоящих вдоль соседней улицы, редко приносил что-нибудь стоящее.

Единственный, кого он увидел, был Гэри, который сидел в белом пластиковом кресле на травке у себя в саду и читал почту и газеты. Видок – просто со скуки сдохнешь. Продавец маффинов пожимал плечами, отбросив очередной конверт. Заснуть можно от такого зрелища..

В других садиках – ничего, в ближайших домах – та же картина. А ведь иногда ему удавалось поймать украдкой кусочек какой-нибудь интимной сцены.

Раздосадованный, Райан вернулся в гостиную и внезапно застыл, застигнутый любопытной мыслью. Ведь глупость проявляет себя не только в словах или в поступках. Ее можно обнаружить и в манере поведения. Тогда комизм приходит с повторами. Ну да, так и есть: этот увалень Гэри, в конце концов, очень смешон в своей идиотской печали. До того смешон – ну хоть фельетон с него пиши… Если сделать так, чтобы пользователи каждый день дожидались от Гэри забавных пожиманий плечами над почтой, это была бы просто умора.

Райан вернулся в спальню и навел камеру на Гэри. Зум. С двадцати четырех метров микрофон улавливал малейший звук, и было слышно, как шуршит бумага каждого вскрытого конверта. Этот микрофон – просто чудо техники. Гэри, взятый крупным планом, вскрыл конверт и нахмурил брови, доставая письмо. Прочел и снова как по команде поднял плечи. Райан расхохотался. Ну конечно! Гэри был настоящий комедийный персонаж, и еще какой! И теперь его надо вывести на сцену…

Ясное дело, это более рискованно, чем заснять какую-нибудь компанию в общественном месте. Ну да ладно – вероятность того, что интернет-пользователь из Миннеаполиса знаком с лузером из Сан-Франциско, близка к нулю. К тому же Райан предпринял некоторые меры предосторожности. Его блог располагался на подвижном сервере. Чтобы до него добраться, надо было идентифицировать и оконтурить множество защищенных серверов. Из-за такого пустяка никто не станет заморачиваться.

Пятнадцать минут спустя Райан кликнул «enter» – и изображение Гэри появилось в блоге, а он тем временем печатал название: «Из жизни тупиц. Эпизод 1». Райан не сомневался: этот эпизод откроет собой длинную серию.

9

– А не хочешь побродить пешком?

Предложение Марджи застало Джонатана врасплох.

– Ну да, тут вокруг полно всяких тропинок. По ним редко кто ходит, но, знаешь, места там очень красивые.

Мысль была хороша, и он с удивлением принялся заново открывать те уголки побережья, которые видел, сидя за рулем «триумфа». Скорость притупляет ощущения, а когда все видишь вблизи – совсем другое дело.

Природа здесь была удивительная, богатая и благоухающая. Одни склоны покрывали ярко-зеленые кустарники, и сквозь их гущу порой проглядывали дикие орхидеи. Другие поросли хвойными деревьями, с их благотворной тенью. А ближе к океану попадались секвойи с красными, словно изваянными стволами. Каждую прогулку сопровождал птичий гомон, а однажды к вечеру Джонатан увидел величаво парящего в небе кондора.

Гора сменяла гору, пологие спуски, изнурительные, захватывающие дух подъемы – и так без конца. Стоило только подняться по склону, как открывался совершенно другой вид, а порой в горловине ущелья появлялось море. Пейзаж все время менялся, каждый раз вызывая у Джонатана неподдельное изумление. Одна и та же панорама после опасного восхождения выглядела еще грандиознее, чем с автомобильной площадки. Может, то была гордость преодоления? Или природа приберегала лучшие красоты для тех, кто платил за них силой и отвагой?

Но тут, на фоне всей этой полноты жизни, Джонатан пережил настоящий шок: однажды во время долгого перехода у него перестал брать мобильник! Поначалу чувство оборвавшейся нити, прекратившейся связи вызвало протест и даже настолько встревожило, что после очередного подъема он всякий раз доставал мобильник и поднимал его вверх, к небу, словно хотел получить сообщение из космоса. Так Моисей вздымал свой жезл. Но все было напрасно.

Вначале у него возникло ощущение, что он изолирован, отрезан от мира, а потом он вдруг осознал, что никогда еще не был так тесно с ним связан. Не было больше СМИ, которые выбирали для него худшие из всех событий, происходивших на земном шаре, не было писем и эсэмэсок, которые знакомые могли прислать ему в любое время дня и ночи, и каждое сообщение служило доказательством, что о нем помнят. Нет, то, что он испытывал сейчас, было ощущением иного порядка, абсолютно новым: он ощутил связь с самим собой – со своим телом, чувствами, с внутренним миром. И при этом он был удивительно связан с Землей, с миром зверей и растений.

Каждый час пути оживлял в нем это пламя, открывал доселе неизвестное богатство. А может, это богатство просто долго дремало внутри с тех самых пор, как Джонатан позабыл о его существовании.

Душевный подъем нарастал день ото дня. Горечь и хандра, некогда обитавшие внутри, исчезли бесследно. Все больше и больше эти пешие походы наполняли его совершенно новым чувством – чувством благодарности. Благодарности по отношению к красоте мира, к жизни, которая наконец-то приносила радость и спокойствие, доселе неизведанные. И ему, привыкшему злиться и ворчать на все на свете, теперь хотелось сказать «спасибо». Он и сам не понимал, кого и за что он благодарит. Он посылал свою благодарность вселенной, словно бросал в море бутылку с запиской. Благодарность за то, что живет, за то, что дышит, видит, слышит, чувствует… А все эти цыганские предсказания скорой смерти не в счет. Он жив здесь и сейчас – вот что действительно важно.

У тетушки Марджи были свои мысли на этот счет, и однажды вечером, когда они сидели в саду в уютных ротанговых креслах на мягких подушках, она ими поделилась. Она принесла дымящийся чайник, куда, по обыкновению, добавила ложечку меда и… каплю водки.

– Природа возвращает нам то, что отняло общество.

– Что?

– Нашу цельность.

– А точнее сказать можешь?

– Мы – существа цельные, и природа подводит нас к тому, чтобы мы это прочувствовали очень глубоко. А вот общество создает внутри нас нехватку этой цельности. Оно умеет заставить нас поверить в то, что нам чего-то все время не хватает для счастья. Оно мешает нам довольствоваться тем, что мы имеем, и тем, что мы есть, и без конца заставляет думать о нашей неполноте, о несовершенстве.

Эта мысль особенно сильно отозвалась в Джонатане. Состояние полноты, цельности, о котором говорила Марджи, целиком соответствовало тому, что он переживал наедине с природой. Это состояние души было далеко от бесцветных и, по сути, обманчивых удовольствий, в которые он с головой бросился в первую неделю. Все это он объяснил Марджи.

– Да, конечно, это совсем другое дело! – хитро улыбнулась она. – В первую неделю ты пустился во все тяжкие, предался греху!

– А ты не увлекаешься по части упреков за грехи? Это с бутылкой-то водки на столе? У самой было целых три мужа…

Марджи расхохоталась:

– Милый мой племянник, я же никогда не говорила, что грешить плохо!

– Тогда я тебя не понимаю…

– Если бы ты владел арамейским, ты бы понял…

– Ну и глупо: я в лицее изучал французский и испанский.

Она улыбнулась и налила ему еще чашку чая.

– Наши церковники долго старались внушить нам чувство вины и объявляли грех ужасной моральной виной… И все из-за ошибки в переводе…

– Из-за ошибки в переводе?

– Да, слово, которое произнес Иисус и которое перевели как «грех», звучит так: *khtahayn*, и означает оно скорее «ошибка», в том смысле, что деяние не соответствует цели. И то же самое происходит, когда Иисус говорит о том, что дурно, плохо: он пользуется словом *bisha*, которое скорее означает «неадекватно». Короче, «согрешить» не значит совершить зло, а значит ошибиться и удалиться от цели.

– От цели? Но… от какой цели?

– А… в этом-то все и дело, – сказал она, подливая в чашки еще чаю. – Христиане, иудеи и мусульмане ответят, без сомнения: «обрести Бога». Буддисты ответят: «обрести просветление». Индусы – «достигнуть освобождения». А остальные скажут: «обрести счастье»… Но, по сути дела, это одно и то же. Как написано в индийских Ведах: «Истина едина, многочисленны имена, которые дают ей мудрецы».

– Обрести счастье, – задумчиво повторил Джонатан.

Он отпил глоток теплого ароматного чая. Свет вокруг них постепенно мерк. Вдали поверхность океана отражала последние отсветы дня, которые переливались в небе красным и оранжевым. Сад, погруженный в покой, дышал безмятежностью. Даже птицы притихли, словно наслаждаясь в тишине красотой этого мига.

– То есть ты говоришь, что моя ленивая неделя повела меня не в том направлении, какое нужно?

– Да, и ты сам это почувствовал. Впрочем, все могут это почувствовать. Людей привлекают легко достижимые удовольствия, а как только они их получают, будь то удовольствия чувственные, плотские или просто вечер, проведенный у телевизора за переключением каналов, потом остается привкус разочарования – разве не так? Удовлетворения нет: эти удовольствия нас не насыщают. Это испытали все. Это прекрасно описал еще Спиноза в семнадцатом веке.

– Ну, если Спиноза описал…

– К тому же в этом нет ничего дурного. Правда, это не принесет тебе того, что ты ищешь, ведь наши поиски более или менее осознанны.

Джонатан задумался на несколько минут.

– А как… как ты сама это объясняешь?

Марджи воодушевилась:

– Всю ту ленивую неделю удовольствий ты искал то, что в какой-то мере могло сделать тебя счастливым, и искал это вне себя самого, так? В ресторанах, ночных пирушках, в магазинах – в общем, где попало.

– Так.

– Так вот, вне себя самого ты никогда счастья не найдешь. Ты можешь гоняться за кучей всякой всячины, но в этом направлении нечего ловить. Это все равно что искать гробницу Нефертити в Америке.

– Хм…

– И чем больше ты будешь искать радостей вовне, тем усерднее станешь приучать свой мозг к поиску внешнего источника этих радостей. При любых обстоятельствах наш мозг понуждает нас поступать так, как он считает наиболее полезным для нас. Но проблема в том, что он принимает решения, опираясь на наш жизненный опыт. И если ты все время «подсовываешь» ему внешние источники удовольствий, он примется уводить тебя в сторону от тебя самого.

Джонатан кивнул:

– Наверное, именно поэтому все религии долгое время заставляли своих адептов отказываться от поисков удовольствий.

– Да, хотя это зачастую приводило к воспитанию в нас чувства вины. А это тем более не ведет к счастью… Ведь можно же радоваться тому, что себе позволишь! И если уж поддался искушению – наслаждайся на полную катушку!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.